

— Да это же форменный сукин сын! — Цзян Чуан не на шутку рассердился, услышав это. — Могли бы хоть кого-то, кто умеет воевать и не боится смерти, на эту должность приискать! Ради борьбы за власть готовы использовать кого угодно, и не боятся ведь погубить страну! Я столько лет побеждал в битвах, с таким трудом усмирил приграничье и завоевал мир только ради того, чтобы они теперь всё пустили по ветру?

— Люди из рода Сян все как один такие, — в глазах Вэнь Цзюэ тоже промелькнуло отвращение. — Они не думают о государстве, пекутся лишь о собственном богатстве и знатности. Если трон унаследует шестой императорский брат, империю Далин не ждет ничего хорошего, а народ настрадается вдоволь.

— Чжияй, ты ведь уже придумал, как переиграть их, верно? — Цзян Чуан кивнул.

— ...И ты даже не спросишь, откуда мне всё это известно? — спросил Вэнь Цзюэ.

— Ты ведь такой умный, — ответил Цзян Чуан без малейших колебаний. — Разве может быть что-то, чего ты не знаешь? Вот если бы ты чего-то не знал, это действительно было бы странно.

К тому же Вэнь Янь долгие годы вела дела при дворе, обладая разветвленным влиянием, связывающим советников и внутренний дворец. Любое мало-мальски заметное движение не могло укрыться от её внимания. Но даже если о каких-то деталях узнать не удавалось, Вэнь Цзюэ легко мог просчитать, что именно они затевают.

Вэнь Янь была глазами Вэнь Цзюэ, а Вэнь Цзюэ — разумом Вэнь Янь.

Поэтому, что бы тот ни говорил, Цзян Чуан верил ему безоговорочно. Даже если бы Чжияй решил обмануть его, на то наверняка нашлась бы веская причина: Чжияй ни за что не пожелал бы ему зла, так о чем же беспокоиться?

Вэнь Цзюэ заранее заготовил убедительное оправдание, но никак не ожидал, что генерал даже не спросит ни о чем. Это значительно облегчило ему задачу.

— Переиграем мы их или нет — не имеет значения, — заговорил Вэнь Цзюэ. — На окраинах только-только воцарился мир, и положение там еще не окрепло. Отец-император очень нуждается в тебе, но вместе с тем и опасается твоей силы. Сколько бы эти двое ни пытались очернить тебя в своих донесениях, они не смогут сдвинуть тебя с места. Однако, когда ты перестанешь быть нужным отцу-императору, он припомнит тебе всё, вне зависимости от того, подаст кто-то жалобу или нет.

Вэнь Цзюэ напрямую озвучил то, о чем Цзян Чуан безутешно сокрушался в прошлой жизни, но на сей раз генерал отнесся к этому спокойно:

— «Когда птиц не остаётся, хороший лук прячут; когда хитрый заяц пойман, гончую варят», — так повелось издревле. Я давно это понял.

— Пока я здесь, я не допущу, чтобы ты оказался в таком положении, — Вэнь Цзюэ накрыл его ладонь, сжимающую поводья, нежно подбадривая.

— Знаю, — Цзян Чуан крепче обнял его и с довольной улыбкой без зазрения совести протянул:

— Чжияй любит меня больше всех на свете, он точно не перенесет моих страданий!

— Вернемся к делу, — Вэнь Цзюэ поспешил переменить тему. — Третьему императорскому

брату тоже известны замыслы императрицы и шестого императорского брата, так что они намерены обернуть их уловку против них самих.

Вэнь Цзюэ умолчал лишь о том, что они с императорской сестрой изначально планировали поступить точно так же.

— У третьего императорского брата есть свои люди в Дучаюане. — Вэнь Цзюэ на мгновение умолк. У императорской сестры, к слову, тоже имелись свои соглядатаи.

— И что дальше? — спросил Цзян Чуан. — Что они планируют делать?

Только после слов Вэнь Цзюэ он припомнил, что в прошлой жизни на него действительно сыпались бесконечные доносы. Тогда он не придавал этому значения и позволял лить на себя грязь, упрямо веря, что честному человеку нечего бояться.

Позже нашлось несколько гражданских чиновников, которые вступились за него и опровергли наветы. А после аудиенции князь И подошел утешить его, прося не принимать это близко к сердцу и уверяя, что не позволит злоумышленникам сгубить верного слугу престола.

Тогда Цзян Чуан сообразил, что это дело рук князя И, и преисполнился к нему благодарности. Но для него это было слишком давно и не казалось чем-то важным, так что он успел обо всем позабыть, пока этот разговор не освежил его память.

— Люди третьего императорского брата затесались среди обвинителей и подали жалобы вместе со всеми, — продолжил Вэнь Цзюэ. — Затем он отправил других чиновников оспорить эти наветы, дабы спасти тебя из беды. Он хотел, чтобы ты почувствовал себя его должником, оценил его великодушие и в будущем беспрекословно ему подчинялся.

«Так вот оно что...», — Цзян Чуан всю жизнь смыслил лишь в ратном деле, откуда ему было знать о тонкостях придворных интриг? Поняв это теперь, он лишь мысленно подтвердил свои догадки: «Всё сходится!»

Неудивительно, что после возвращения в столицу дела у него не ладились, и только князь И выказывал ему свое расположение. Сколько же тайных нитей тот успел дернуть за его спиной?

Генерал молчал. Вэнь Цзюэ не мог понять: сомневается ли тот в его словах или сокрушается из-за того, что их дружба с князем И оказалась лишь тонко разыгранным спектаклем.

Поколебавшись, Вэнь Цзюэ все же пояснил:

— Я говорю тебе всё это лишь для того, чтобы ты помнил: доверять нельзя никому. Мой третий императорский брат чрезвычайно скрытен и умен, однако... он не станет вредить тебе напрямую. Военная власть рано или поздно вернется в твои руки, и именно она ему и нужна. А вот следовать за ним или нет — решать только тебе.

Вэнь Цзюэ решил отступить от этой партии и предоставить Цзян Чуану сделать выбор самостоятельно, видя в этом хоть какую-то попытку искупить свою вину за былые манипуляции.

— В последние два года здоровье отца-императора сильно пошатнулось, и борьба за престол разгорается втайне всё сильнее, — продолжил Вэнь Цзюэ. — Если ты не хочешь ввязываться в эту грязь, лучший выход — самому просить у отца-императора назначения на заставу у границы, пока...

Вэнь Цзюэ не договорил, но оба прекрасно понимали скрытый смысл этих слов.

Цзян Чуан понимал это еще яснее. То, что Чжюй решил дать ему такой совет именно сейчас, доказывало: принц сделал выбор. Он не желал, чтобы генерал стал разменной монетой в чужой борьбе за власть.

«Неужели в сердце Чжюя я занял столь важное место?», — от этой мысли Цзян Чуану сделалось несказанно радостно, и, не сидя рядом с ним его хрупкий супруг, он бы во весь опор пустил коня галопом.

Въехав в городские ворота, Цзян Чуан по-прежнему не выпускал его из объятий, прижимаясь вплотную, лишь заставил коня прибавить шагу.

— Если я уеду охранять рубежи, что будет с тобой? — спросил Цзян Чуан.

Вэнь Цзюэ ровно ответил:

— Пока императорская сестра здесь, я не покину императорский город.

— Тогда и я никуда не уеду, ведь здесь остаешься ты, — Цзян Чуан наклонил голову и коснулся губами его уха, отчего принц заметно вздрогнул. — Я буду следовать лишь за тобой и отныне всегда буду на твоей стороне!

— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? — дрогнувшим голосом спросил Вэнь Цзюэ.

Цзян Чуан лишь мягко улыбнулся и смолк, боясь напугать его лишними откровениями. Время для признаний еще не пришло: заговори он начистоту прямо сейчас, Чжюй со своим умом и осторожностью наверняка вновь насторожился бы и замкнулся в себе.

— Понимаю.

— А если я пожелаю, чтобы все они умерли? — В голосе Вэнь Цзюэ просквозил холод.

— Тогда скажи, с кого начать? — С улыбкой спросил его Цзян Чуан, нимало не смутившись дерзости собственных слов. — С шестого принца? Князя И? Императрицы? Или, быть может, самого императора?

— Ты... — опешил Вэнь Цзюэ.

Так они и ехали на коне по оживленным городским улицам, среди толпы ведя разговоры, за которые можно было лишиться головы.

— Виноват, сболтнул лишнего, — поспешил исправиться Цзян Чуан. — Накажешь меня, когда вернемся домой, Чжюй.

Вэнь Цзюэ лишился дара речи от подобного безрассудства, но в глубине души начал верить: Цзян Чуан действительно способен претворить свои слова в жизнь.

И это озадачивало его еще сильнее: как всё пришло к этому? Цзян Чуан вел себя совершенно не так, как гласили изначальные донесения соглядатаев.

Сейчас Вэнь Цзюэ испытывал необъяснимое чувство: события стремительно уклонялись от намеченного им плана, но при этом всё еще оставались под его контролем. Это казалось немыслимым!

<http://bllate.org/book/20326/2029332>